

Б. Т. ГОРЯНОВ

ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ИММУНИТЕТ

При исследовании поздневизантийского феодализма мы исходим из указаний классиков марксизма о том, что основой этой социально-экономической формации являлась феодальная собственность на землю. Развитию феодальной собственности в Византии активно содействовала византийская экскуссия-иммунитет, — важнейшая форма надстройки, при помощи которой господствующие классы Византии укрепляли феодальную собственность на землю. Поэтому вопрос о византийском иммунитете является для нас одним из центральных вопросов при анализе форм феодализма в поздневизантийское время.

Византийский иммунитет, несмотря на то, что его изучению был посвящен целый ряд работ, до настоящего времени исследован недостаточно.

Одним из первых заинтересовался экскуссией французский ученый Платон, отметивший в своем исследовании параллель, существующую между этим византийским институтом и западноевропейским иммунитетом. „Ἐξκουστικὰ παροίκων, — пишет он, — это византийский иммунитет... Ἐξκουστικὰ παροίκων — это иммунитет нашего западного средневековья“¹.

Работа Платона посвящена в основном эволюции налогового обложения. Поэтому, говоря о византийской экскуссии, он останавливается главным образом на налоговых изъятиях, прослеженных им по хрисулам византийских императоров, преимущественно по материалам, собранным Миклошичем и Мюллером и изданных ими в „Acta et diplomata graeca medii aevi“. Замечания, сделанные автором, касаются в основном прав экскуссии, которые византийское правительство предоставляло монастырскому землевладению. Платон внимательно следит за постепенным развитием прав налоговой экскуссии и приходит к выводу, что права эти постепенно расширялись, охватывая все новые виды налогов, попадавших под изъятие. В своем исследовании Платон пришел к правильному выводу о том, что изъятие монастырских париков от налогового обложения в пользу государства вовсе не освобождало их вообще от уплаты налогов. Это изъятие, по мнению Платона, означало лишь, что государство предоставляло монастырям, получавшим иммунитетные грамоты, право сбора налогов, которые должны были вноситься государству². В работе Платона доказано, что представители крупного

¹ M. G. P l a t o n. Observations sur le droit de „προτίμιας“ en droit byzantin. Revue générale des droits, de la législation et de la jurisprudence en France et à l'étranger, t. XXVIII, 1904, p. 304—305. В отдельном издании — Paris, 1908, p. 63—64. В дальнейшем работа Платона цитируется нами по этому отдельному изданию.

² M. G. P l a t o n. Observations..., p. 63—64.

землевладения, в том числе и светского, о котором сохранилось небольшое количество документов, отвечали перед государством за регулярное поступление налогов с зависимых от них париков. Пожалование экскуссии, как полагает Платон, показывает, до какой степени государство уступало владельцам свои права по отношению к парикам³.

К вопросу о византийской экскуссии неоднократно обращался Б. А. Панченко в своей работе о крестьянской собственности в Византии⁴. Б. А. Панченко считал, что корень византийского монастырского иммунитета лежит в пожаловании поземельной подати. Он приходил к правильному выводу, что последствием и развитием пожалования территории являлось освобождение париков не только от основной поземельной подати (τέλος), но и по возможности от всех государственных повинностей и сборов⁵. Так, изучая грамоты конца XII в., сохранившиеся в Латрском кодексе, он установил, что они в одинаковых выражениях подтверждают льготы от уплаты податей. По этим грамотам соседний с известным монастырем Лемвиотиссы Латрский монастырь и его парики освобождались от уплаты всякой казенной подати, — со скота, поземельной и любой иной⁶. Хотя Б. А. Панченко и не занимался специально изучением экскуссии, он показал, что в поздневизантийское время права налоговой экскуссии значительно расширяются. Интересен сделанный им анализ хрисовула Алексея Комнина трапезунтскому монастырю Сумелы от 1364 г., содержащего перечень вотчин и париков этого монастыря. Б. А. Панченко обратил внимание на то, что монастырские парики „по полному положению экскуссии“ (κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξκούσεως κεφάλαιον) освобождаются от податей и повинностей, приговоров и взысканий дук, практоров и катепанов. Он отметил, что эти льготы распространялись не только на перечисленных в хрисовуле париков, но и на тех париков, еще не внесенных в катастихи (податные списки), которые могут прийти из других мест и поселиться на землях монастыря⁷.

В 1904 г. появилась работа французского византиниста П. Гренье, который поставил своей задачей дать широкий обзор истории развития социального и политического строя Византийской империи⁸. Основной линией в развитии социального строя Византии Гренье считал „раздробление государственного суверенитета“⁹. Крупное светское и церковно-монастырское землевладение, поглощая мелкую земельную собственность, отнимало у империи, по мнению Гренье, ее основные жизненные силы, дробило ее на почти независимые в экономическом, а затем и в политическом отношении владения. Гренье рисует ход борьбы византийского государства с крупным феодальным землевладением и результаты ее расценивает как поражение государства. Это поражение в борьбе с растущей мощью феодального землевладения Гренье считает одной из основных причин конечной гибели Византийской империи. Одним из орудий усиления крупного светского и церковно-монастырского землевладения в Византии Гренье считал экскуссию-иммунитет. Работа Гренье подверглась критическому разбору в рецензии русского

³ M. G. Platon. Observations... , p. 64.

⁴ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1908.

⁵ Там же, стр. 108.

⁶ Там же, стр. 145—147.

⁷ Там же, стр. 172.

⁸ P. Grenier. L'empire byzantin, son évolution sociale et politique. T. I. L'être sociale. T. II. L'être politique. Paris, 1904.

⁹ Ibid., t. II, p. 274—279.

византиниста Н. С. Суворова¹⁰, который поставил вопрос о происхождении византийской экскусии. Его „теория заимствования“ состояла в том, что экскуссия должна быть рассматриваема как результат перенесения в Византию западного „французского“ иммунитета¹¹. Н. С. Суворов отрицал какую бы то ни было связь между византийским иммунитетом и иммунитетом римского права. Он прямо утверждал, что „если даже предположить, что германский иммунитет имеет римские корни, то в Византию он перешел уже во франкском образе“¹². Он писал, что и другое западное юридическое понятие, теснейшим образом связанное с иммунитетом — *mundeburdium*, *tuitio*, *defensio*, также перешло в Византию. Отсюда он делает вывод, что, поскольку византийская *defensio* — несомненный плод заимствования с Запада, следует считать, что иммунитет и дефензия выросли на Западе¹³ и затем были перенесены на византийскую почву. Известную новеллу Мануила Комнина от 1144 г., по которой византийскому духовенству был предоставлен широкий финансовый иммунитет, Н. С. Суворов также связывал не с римскими законами, освобождавшими духовенство от *muna sordida et extraordinaria*, а с западноевропейскими привилегиями духовенства¹⁴.

К вопросу о происхождении экскусии обращался и другой русский византинист, П. А. Яковенко, в своем специальном исследовании по истории византийского иммунитета¹⁵. Теория Н. С. Суворова о происхождении византийского иммунитета представлялась П. А. Яковенко мало доказанной и поэтому мало убедительной¹⁶. Разбирая положения Н. С. Суворова, П. А. Яковенко пришел к выводу, что в XIII и XIV вв. византийская экскуссия по своему значению далеко не совпадает с западным *mundeburdium*¹⁷. П. А. Яковенко заключил, что нельзя присоединиться к мнению Н. С. Суворова о происхождении экскусии с Запада и сделал бесспорно правильный вывод о том, что экскуссия возникла и развивалась в Византии самостоятельно¹⁸. Начало экскусии он рекомендовал искать в политической неурядице, которая возникла в Византии вследствие „перерождения римских государственных порядков“. На возникновение экскусии, по мнению П. А. Яковенко, оказывало свое влияние „смещение публично-правовой точки зрения на государство с частно-правовой“. Эти причины вызвали образование основных элементов экскусии — воспреещения доступа представителям государственной власти во владения лица, получившего экскуссионную грамоту и предоставления ему права сбора государственных доходов. С течением времени византийские иммунитетные грамоты предоставляют их владельцам также и более или менее широкие права юрисдикции в их владениях¹⁹. Подобное решение вопроса о причинах, вызвавших образование и развитие византийской экскусии, не может, конечно, нас удовлетворить. Нельзя искать корни экскусии в политической неурядице, господствовавшей в Византии якобы из-за „перерождения римских государственных порядков“. Корни экскусии могут быть поняты лишь на основе глубокого анализа всего общественно-экономического строя

¹⁰ ВВ, т. XII, 1906, стр. 199—233.

¹¹ Там же, стр. 227—230.

¹² Там же, стр. 228.

¹³ Там же, стр. 229.

¹⁴ Там же, стр. 230.

¹⁵ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908.

¹⁶ Там же, стр. 32.

¹⁷ Там же, стр. 37.

¹⁸ Там же, стр. 38.

¹⁹ Там же, стр. 63.

Византийской империи. Этому анализу может помочь сравнение условий, при которых развивалась экскуссия в Византии с аналогичными условиями развития иммунитета на Западе. П. А. Яковенко сделал некоторые шаги в этом направлении в разделе своей работы, носящем название „Экскуссия в сравнении с западноевропейским иммунитетом“²⁰. Рассматривая основные элементы, из которых складывалась византийская экскуссия, он нашел в них много сходства с элементами раннего, а затем и позднего западноевропейского иммунитета²¹. Общими чертами он считал воспреещение доступа представителям государственной власти во владения лица, пожалованного экскуссией, выделение владения, получившего право экскуссии, из округа, подчиненного правительственным агентам. Как и западноевропейский иммунитет, экскуссия давалась по просьбе желавшего ее получить; со стороны же дававшего ее она являлась актом милости. Много общего находит автор и в характере привилегий, которые предоставлялись владельцам иммунитетных грамот на Западе и в Византии. Но, выполнив имеющую большое значение работу по сравнительному анализу западного и византийского иммунитета, П. А. Яковенко не использовал своих выводов при рассмотрении вопроса о происхождении экскуссии, который поэтому остался у него нерешенным.

Работа П. А. Яковенко вызвала рецензию А. А. Васильева²². Говоря о замечании П. А. Яковенко, о том, что „различие между западными иммунитетными грамотами и хрисовулами наиболее заметно в XI в. и становится меньшим в хрисовулах XIV в., тогда как при заимствовании экскуссии с Запада должно бы быть наоборот“, А. А. Васильев пишет: „Я думаю, что эта точка зрения не имеет за собою достаточной силы; когда будет вполне исследован вопрос о влиянии на Византию крестовых походов и особенно Латинской империи, тогда, по всей вероятности, с большей ясностью представится и вопрос о причинах различия между византийскими документами XI и XIV веков“²³.

Это высказывание А. А. Васильева ставит его на первый взгляд в ряды сторонников „теории заимствования“ византийской экскуссии-иммунитета с Запада. Само собою разумеется, на общественный строй Византии не могли не оказать некоторого влияния крестовые походы и образовавшаяся на ее территории в результате четвертого крестового похода Латинская империя. Но наличие этого влияния ни в какой степени не подкрепляет „теорию заимствования“. В позднейших своих работах А. А. Васильев, говоря о происхождении византийской экскуссии, высказывался в пользу положения о том, что „византийская экскуссия своими корнями заходит во времена римского иммунитета, являясь частью того сложного социального наследства, которое христианская империя получила от империи языческой“²⁴. Это положение, которое, как мы уже отмечали, поддерживалось и другими исследователями, находится в противоречии с теорией о заимствовании византийской экскуссии с Запада.

Вопросами византийской экскуссии занимался также К. Н. Успенский. Его концепция социально-экономического строя Византийской империи отличается свежестью и оригинальностью. В сводной работе К. Н. Успен-

²⁰ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 3—31.

²¹ Там же, стр. 6 и сл.

²² Журнал Министерства народного просвещения, новая серия, ч. XX, 1909, апрель.

²³ Там же, стр. 433.

²⁴ А. А. Васильев. История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261). Пгр., 1923, стр. 67.

ского по истории Византии, оставшейся, к сожалению, незаконченной²⁵, вопросу об экскуссии посвящена специальная глава „Монастырское землевладение и вопрос об экскуссии“²⁶. Как видно из названия главы, исследование византийского иммунитета К. Н. Успенский ограничивает изучением лишь монастырской экскуссии. „Изъятость“ монастырских имений, создававшихся из земель, принадлежавших императору или сенаторской знати и сохранявших привилегии и автономию, которые были свойственны этим экзимирированным владениям, К. Н. Успенский считал особенностью византийского монастырского землевладения. Вместе с тем он полагал, что „изъятость“ церковно-монастырских владений принимала с самого начала формы, сближающие ее с западно-европейским иммунитетом²⁷. К. Н. Успенский справедливо возражал тем исследователям, которые, как Б. А. Панченко, вели начало экскуссии только с XI в. Но способ доказательства К. Н. Успенским этого положения дал законное основание Г. А. Острогорскому назвать отдельные положения его „Очерков“ „*fantasiereiche*“²⁸. Иначе и нельзя назвать такие доводы, как то, что „документальный материал до XI в. пропал почти бесследно“, или что „хрисовулы, жаловавшие экскуссии, могли вести свое начало и с XI в., но сама экскуссия, выражавшаяся какими-либо иными способами (?), как общественное установление, должна была (?) быть налицо и раньше“²⁹. Только такими шаткими доводами обосновывает К. Н. Успенский свое положение о том, что „экзимирированность крупных монастырских вотчин была широко распространена в империи не только в X—XI вв., но и в VII, VIII вв.“, что она и была „существеннейшей чертой этого типа землевладения всегда, начиная с царствования Юстиниана“³⁰.

В дальнейшем изложении К. Н. Успенский обосновывает экзимирированность монастырей условиями, благодаря которым складывалось особо привилегированное положение больших и богатых монастырей³¹. Эти условия он видит в различном юридическом положении монастырей и рассматривает здесь отличительные черты аутодеспотических, императорских, ставропигиальных, патриарших, епископских монастырей. Автономность монастырей более высоких разрядов влекла за собой, по мнению К. Н. Успенского, развитие экскуссии. По его словам, „экскуссию, как она предстает в хрисовулах, нет оснований отрывать от старинной „аутодеспотии“ монастырей-княжеств: это, несомненно, различные фазы или моменты одного и того же процесса“³².

Вопросу об экскуссии К. Н. Успенский посвятил и специальную, более позднюю работу³³. По-прежнему стоя на почве необходимости параллельного изучения византийских и западных институтов, он в этой работе отмечает моменты, отличающие византийские грамоты от западно-европейских иммунитетных дипломов. Это отличие он, в частности, видел в том, что в византийских грамотах указан смысл воспреещения доступа агентов государственной власти во владения лица, пожалован-

²⁵ К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. 1. М., 1917.

²⁶ Там же, стр. 183—197.

²⁷ Там же, стр. 184.

²⁸ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 232, Anm. 3.

²⁹ К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. 1, стр. 187.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 191—197.

³² Там же, стр. 195—196.

³³ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. XXIII, 1917—1922, Пгр., 1923, стр. 74—117.

ного экскусией, чего нет в западноевропейских дипломах. Другое отличие он видит в том, что в то время, как в западных документах должностные лица, которым воспрещается *introitus*, — встречаются под общим названием *iudices*, в византийских хрисовулах мы встречаем тщательное и подробное перечисление податных, военных и судебных должностных лиц, которым запрещается доступ во владения, наделенные экскусией³⁴. Это утверждение К. Н. Успенского неточно, ибо и на Западе в иммунитетных дипломах встречается некоторая, хотя и не столь, как в Византии, развитая дифференциация термина *iudices*.

Интересны замечания К. Н. Успенского о характере отдельных этапов в развитии византийской экскусии. В хрисовулах XI в. он видит стабильность формы, определенный план, состоящий из *prooemium*, *paratio*, *dispositio* и, наконец, самое существо экскусии, выразившееся в двух формулах: а) *ἐξουσιουθέντων δὲ καὶ ἀπὸ μιᾶτων* и б) *διὸ πρεσβυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλίζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων*, из которых первая формула выражала изъятия от уплаты податей и несения повинностей, а вторая — судебно-административные изъятия.

В XII в., по мнению К. Н. Успенского, „экскусия... мельчает, суживается, мутится“³⁵. Отличительной чертой хрисовулов XIII—XIV вв. он считает наличие в них общих, ничего не говорящих по существу дела выражений³⁶. Повинностей, от которых освобождает экскусия, становится меньше, а фразы хрисовулов XIV в. о том, что, кроме перечисленных в них льгот, дается освобождение от всех повинностей, К. Н. Успенский считает лишь риторическим украшением³⁷. С этим мнением нельзя согласиться. Как мы попытаемся показать в дальнейшем изложении, в этой „общности“ поздней экскусии можно усматривать лишь дальнейшее расширение иммунитетных прав, а не их сужение или измельчение. Нельзя согласиться также и с мнением К. Н. Успенского о том, что судебные права предоставлялись уже в ранних хрисовулах, жаловавших экскусию³⁸. Как и на Западе, в Византии судебные права владельцев иммунитетных грамот были значительно более позднего происхождения, чем изъятия податного характера, и расцвет судебного иммунитета в Византии относится лишь к XIV в. В этой работе К. Н. Успенский снова повторяет свои рассуждения о раннем происхождении византийского иммунитета, считая возможным относить его начало к VI—VII вв., а может быть, и к более раннему времени. Появление хрисовулов, по его мнению, знаменовало собой сужение монастырской привилегированности³⁹. Это утверждение является, без сомнения, ошибочным. Неправ также К. Н. Успенский, как это уже было отмечено Г. А. Острогорским, когда считает, что владельцами экскусии во все времена византийской истории были главным образом, даже почти исключительно, монастыри⁴⁰. Тем не менее, несмотря на некоторые положения, с которыми нельзя согласиться, К. Н. Успенский благодаря своим исследованиям внес много нового в изучение экскусии и поставил ряд вопросов, которые должны быть решены для правильного понимания этого важнейшего института византийского феодализма.

³⁴ К. Н. Успенский. Экскусия-иммунитет в Византийской империи, стр. 75.

³⁵ Там же, стр. 80.

³⁶ Там же, стр. 82—84.

³⁷ Там же, стр. 84.

³⁸ Там же, стр. 85—86.

³⁹ Там же, стр. 117.

⁴⁰ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, S. 232, Anm. 3.

Основной нашей задачей является проследить те изменения, которые претерпела экскуссия в поздневизантийское время. Однако, прежде чем перейти к этому вопросу, мы считаем необходимым остановиться на некоторых общих вопросах византийской экскуссии и в первую очередь на вопросе о ее происхождении.

Мы уже упоминали о теории Н. С. Суворова, который объяснял происхождение экскуссии западными влияниями и считал, что германский иммунитет перешел в Византию во „франкском образе“. Посмотрим, какие основания имеет эта теория. Советская медиевистика сделала большой вклад в изучение института иммунитета. Работы А. И. Неусыхина⁴¹, А. И. Данилова⁴², Д. С. Граменицкого⁴³, Н. С. Михаловской⁴⁴, основанные на пересмотре большого материала источников, внесли в науку много новых и ценных соображений о происхождении западного иммунитета и характере его развития. Поэтому они могут помочь нам при сравнении основных моментов в развитии западноевропейского иммунитета и византийской экскуссии, а также при рассмотрении вопроса о том, можно ли считать последнюю исключительно результатом влияния западных форм иммунитета.

Н. С. Суворов, П. А. Яковенко и другие исследователи, занимавшиеся вопросом происхождения иммунитета, строили свою аргументацию главным образом на почве рассмотрения крупнейших трудов, посвященных анализу складывавшегося феодального строя раннего средневековья. Среди ученых, занимавшихся этой проблемой, внимание Н. С. Суворова и полемизировавших с ним ученых в первую очередь привлекали построения Фюстель де Куланжа в его „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France“. Как известно, теория Ф. де Куланжа сводилась к тому, что он не признавал сходства между римским и франкским иммунитетом и отрицал преемственную связь между ними.

Свою точку зрения на взаимоотношение между римским и меровингским иммунитетом Фюстель де Куланж изложил в труде, посвященном происхождению феодального строя⁴⁵. Он пришел к выводу, что римский иммунитет по своему характеру не был индивидуальным (хотя случаи индивидуального иммунитета встречались и в римское время) и не являлся актом милости со стороны государственной власти. Римским иммунитетом пользовались определенные, установленные законом группы граждан. Основным характером льгот, которые давал римский иммунитет, было освобождение от муниципальных повинностей. Римский иммунитет освобождал и от некоторых государственных повинностей. Предоставляя известные льготы по уплате надбавок к основной сумме подати, римский иммунитет не освобождал от уплаты важнейших государственных податей — поземельной и поголовной. Делая поправки к этим утверждениям Фюстель де Куланжа, П. А. Яковенко отмечал

⁴¹ А. И. Неусыхин. Исторический миф третьей империи. „Ученые записки МГУ“, вып. 81. Сборник исторического факультета. Преступления фашистов против исторической науки. М., 1945, стр. 55—115.

⁴² А. И. Данилов. К вопросу эволюции фогства как одной из форм права феодальной собственности. Труды Томского гос. университета им. В. В. Куйбышева, т. 103, 1948, стр. 113—222.

⁴³ Д. С. Граменицкий. К вопросу о происхождении и развитии франкского иммунитета. СВ, вып. II, 1946, стр. 135—153.

⁴⁴ Н. С. Михаловская. Каролингский иммунитет. СВ, вып. II, 1946, стр. 154—189.

⁴⁵ Fustel de Coulanges. Les origines du système féodal. Paris, 1890, p. 419—422.

случаи освобождения и от уплаты поземельного налога, например ветеранов при поселении на получаемых ими участках⁴⁶. Однако сходство римского иммунитета со средневековым выражалось лишь в освобождении от уплаты податей. Как показал Ф. де Куланж, ни ограничения юрисдикции должностных лиц, ни запрещения правительственным чиновникам вступать во владения имуниста римский иммунитет не знает⁴⁷. Римский иммунитет был тесно связан с муниципальным строем римского государства. Централизация управления и ослабление, а затем и падение муниципального строя вызвали изменения и в характере римского иммунитета. С превращением большинства повинностей из личных (*munera personalia*) в имущественные (*munera patrimonii*) римский иммунитет начинает освобождать в основном от повинностей имущественных. Но практика в Римской империи показывала, что освобождение от этих повинностей было довольно редким явлением. Отсюда мы можем сделать вывод, что римский иммунитет в позднее время вырождается. Ко времени, когда начинает формироваться новый средневековый иммунитет, следы позднеимперского иммунитета были настолько слабы, что вряд ли дают основание говорить о преемственности, о средневековом иммунитете как дальнейшем развитии и продолжении римского иммунитета. Следы римских порядков в отношении условий освобождения от повинностей можно проследить и в ранневизантийском законодательстве, они перешли из кодекса Юстиниана в законодательные сборники более позднего времени (*Basilica* и *Synopsis major*). Но эти законодательные нормы давно потеряли всякое значение, с ними никто из государственных чиновников не считался⁴⁸, поэтому говорить о преемственности между римским и византийским иммунитетом нет решительно никаких оснований.

В каких условиях возникал и развивался средневековый западноевропейский иммунитет? Источники не дают прямого ответа на этот вопрос, и историкам приходится решать его на основе общих представлений о ходе исторического процесса⁴⁹.

В отличие от Ф. де Куланжа, другой французский исследователь — Крелль⁵⁰ искал зародыши средневекового иммунитета в патримониальной юстиции поздней Римской империи. Как правильно отметил Д. С. Граменицкий, Креллю не удалось согласовать процесс социального усиления крупного землевладения и процесс роста силы и влияния местных органов власти⁵¹. По схеме Крелля, в результате периода смут, вызванных варварскими вторжениями, одновременно возрастала сила *potentes* и власть местных агентов центральной власти, получавших все более широкие полномочия по управлению населением округа. Исследуя корни иммунитета, Е. С. Граменицкий установил, что в первой половине VII в. на Западе уже существовала признанная государством частновладельческая юстиция, определялась сфера частной власти, недоступная для государственного вмешательства. Эти права владельцев еще не ясно очерчены, но в них уже вырисовываются будущие черты дальнейшего развития иммунитета. Весьма интересен сделанный Д. С. Граменицким анализ эдикта Хлотаря II от 614 г. В этом эдикте встре-

⁴⁶ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 39.

⁴⁷ Fustel de Coulanges. Les origines du système féodal, p. 422.

⁴⁸ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 42.

⁴⁹ Д. С. Граменицкий. К вопросу о происхождении и развитии франкского иммунитета, стр. 135.

⁵⁰ Kroell. L'immunité franque. Paris, 1910.

⁵¹ Д. С. Граменицкий. Ук. соч., стр. 139.

чаются ценные сведения о частновладельческой юрисдикции, причем чрезвычайно важно то, что эта юрисдикция уже широко развивается во владениях светских землевладельцев-феодалов. Эдикт свидетельствует, что в делах между людьми, зависимыми от частных владельцев, если эти дела относились к *causas minores*, имела полномочия частновладельческая курия. Епископы и *potentes* по этому эдикту имели право назначать *iudices* и *missi discussores*, в которых Д. С. Граменицкий, в отличие от Крелля, справедливо усматривает частновладельческих судебных агентов (§ 19)⁵². В эдикте 614 г. имеется свидетельство о существовании уже в это время иммунитетов во Франкском государстве. По этому эдикту графы должны были защищать имущественные права церквей, священников и бедных, не имея в то же время права нарушать иммунитеты, пожалованные прежними королями церквям и светским влиятельным людям (§ 14). Франкский иммунитет имел две основные черты: во-первых, то, что он жаловался „для поддержания мира и порядка“ и, во-вторых, его не могли нарушать должностные лица. Последняя черта стала главным содержанием иммунитетных грамот, которые запрещали *introitus* должностным лицам. Иммунитетные пожалования закрепляли частновладельческие права представителей зарождавшегося крупного феодального землевладения. Эти права закреплялись полным запрещением доступа должностных лиц под предлогом осуществления ими каких-либо должностных функций на территорию имуниста. Так создавался и развивался иммунитет, сыгравший такую большую роль в установлении феодального строя. И недаром Зелигер, говоря об иммунитете, заявлял: „Кажется, ни один из общественных институтов не выдвигался историками в качестве центрального пункта в истории учреждений в такой мере, как иммунитет. К нему возводят самые значительные перемены. Дело изображали так, что он должен был дать крупным поместьям силу, чтобы разорвать связь с графством, стать самостоятельными членами государства, достичь полугосударственной и государственной власти“⁵³.

Основные черты иммунитета, складывавшиеся в меровингский период, получили дальнейшее развитие в иммунитете каролингского периода. Формы этого развития и государственно-правовое значение иммунитета рассмотрены в статье Н. С. Михаловской⁵⁴.

Усиление социально-экономического могущества крупных землевладельцев, духовных и светских, приводило к распадению Меровингского государства на отдельные, почти независимые крупные владения, собственники которых стремились к широким политическим правам. Будучи не в состоянии сокрушить экономическую мощь крупных землевладельцев, Каролинги поставили своей целью восстановить политическое единство, ликвидировать независимость носителей частной власти, используя для этого иммунитет, превращая посредством него владельцев иммунитетных грамот в представителей государственного управления, ответственных перед государством за зависимое от них население. Задачей королевской власти при Каролингах становится введение иммунитетного округа и иммунитетного суда в систему государственных учреждений⁵⁵. Капитулярии каролингской эпохи говорят о строго регламен-

⁵² Д. С. Граменицкий. К вопросу о происхождении и развитии франкского иммунитета, стр. 152.

⁵³ G. Seeliger. Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft in früherem Mittelalter. Leipzig, 1903, S. 56.

⁵⁴ Н. С. Михаловская. Каролингский иммунитет, стр. 154—189.

⁵⁵ Там же, стр. 155—157.

тированном разграничении судебных функций между иммунитетным судом и судом графства, с точным обозначением компетенции каждого из них. Это разграничение касалось только свободных жителей иммунитетного округа; над несвободными обладатель иммунитета в каролингскую эпоху уже располагал всей полнотой власти на основе его владельческих прав⁵⁶. Иммунитетные привилегии наделили частных лиц определенным объемом политических прав. Государство санкционировало подобное расширение прав иммунитетов⁵⁷.

* * *

Отличительная особенность аграрного строя Восточной Римской империи состояла в том, что весь земельный фонд юридически был собственностью императора. Кроме того, большая часть земельного фонда непосредственно принадлежала императору как в виде собственных, так и в виде государственных земель, причем в императорском законодательстве часто не делалось различия между этими видами земель. Источники не дают возможности установить точное соотношение между территорией императорских земель и всем земельным фондом Восточной Римской империи. Однако отдельные встречающиеся в них сведения говорят об огромных размерах императорских земель. Для управления этими землями существовал большой и разветвленный административный аппарат; формы их эксплуатации были различны. На некоторых из них велось собственное хозяйство императора, другие сдавались в аренду или, наконец, продавались. Сдача в аренду была наиболее распространенной формой эксплуатации императорских земель. Арендаторами этих земель были *potentiores*, *potentissimi*, являвшиеся крупными сановниками, сенаторами, командным составом армии. В целях получения больших доходов императорские земли часто передавались на таких условиях аренды, которые были почти равнозначны отчуждению земли. Нередко магнаты захватывали земли без всяких договоров, вследствие чего фонд императорских земель значительно сократился. Все эти явления свидетельствуют о том, что уже к VI в. в Византийской империи происходили процессы феодализации. Рассматривая различия между формами развития крупного землевладения на Западе и в Византии V—VI вв., М. В. Левченко указывал, что в Византии не было такой экономической замкнутости крупного имения, как на Западе⁵⁸. Мы уже имели случай отметить, что в его работе раздел о роли крупного частного землевладения в экономике и социальном строе Восточной Римской империи V—VI вв. разработан недостаточно. В частности, мы уже отмечали, что налоговые и другие льготы крупным землевладельцам являются зачаточной формой будущего иммунитета⁵⁹, хотя, конечно, их еще нельзя считать началом экскуссии. В другом месте мы признали неверной оценку автором деятельности Юстиниана I. По мнению М. В. Левченко, нельзя говорить о сокрушении экономической мощи крупного землевладения, так как Юстиниан и не ставил это своей задачей. Мы отмечали, что если и справедливо утверждение М. В. Левченко об усилении крупного светского землевладения после Юстиниана, то усиление это про-

⁵⁶ Н. С. Михаловская. Каролингский иммунитет, стр. 173.

⁵⁷ Там же, стр. 183—184.

⁵⁸ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. ВС. М.—Л., 1945, стр. 76—77.

⁵⁹ Б. Горянов. Рецензия на „Византийский сборник“ (М.—Л., 1945). ВИ, 1946, № 4, стр. 138.

изошло отнюдь не в результате поддержки Юстинианом крупного землевладения, а вследствие провала всех его мер, направленных против династов⁶⁰.

Крупное сенаторское землевладение пользовалось большими налоговыми льготами. Крупные землевладельцы освобождались от муниципальных повинностей, от большей части *munera sordida*, т. е. поставки провианта для войск, помолы зерна, устройства и починки дорог и мостов и т. д., а также от разных *munera extraordinaria* и литургий⁶¹. Как мы уже отмечали, в этих льготах можно усмотреть зачаточные формы будущего византийского иммунитета. Однако является ли это результатом влияния аналогичных форм западного франкского иммунитета? Как на Западе, так и в Византии возрастала сила *potentes*. Однако мы видели, что на Западе уже к первой половине VII в. существовала признанная государством частновладельческая юстиция, как духовная, так и светская. В Византийской империи даже для значительно более позднего периода мы не находим никаких свидетельств о том, что представители крупного землевладения располагали судебной властью. Несомненно, что процессы феодализации и на Западе и на Востоке приводили к децентрализации, к усилению политических прав магнатов. Но в Византии оказались налицо силы, которые были в состоянии затормозить этот процесс. В отличие от Западе, крупные землевладельцы на Востоке еще были заинтересованы в сохранении централизованного государства. Поэтому и весь процесс феодализации в Византии протекал значительно более замедленными темпами, чем на Западе. Если бы франкский иммунитет был источником византийского иммунитета, будущей экскуссии, то мы должны были бы уже в византийских документах этого периода обнаружить данные о наличии судебной власти у представителей крупного землевладения. Между тем зачатки судебной экскуссии мы можем проследить в византийских хрисовулах, начиная лишь с XI в., да и то судебные права иммуниста никогда не выступали здесь в таких четко очерченных формах, как на Западе.

Уже П. А. Яковенко, оспаривая теорию о заимствовании с Западе византийской экскуссии, отмечал, что между экскуссией и современным ей западным иммунитетом наблюдается значительная разница в объеме жалуемых льгот⁶². Самый термин *ἐξουσία*, как известно, появляется в византийских хрисовулах лишь в XI в. Но если мы сравним льготы, которые получали иммунисты меровингского и каролингского периодов с льготами, предоставлявшимися византийским законодательством этого же времени, то мы и здесь усмотрим большое различие. Мы видели, что уже в меровингский период был издан ряд иммунитетных грамот, запрещавших доступ должностных лиц на территорию иммуниста. В дипломе Дагоберта I Ресбахскому монастырю от 635 г. эта сторона иммунитета получает широкое развитие. По диплому Дагоберта I запрещался доступ должностных лиц для производства судебных дел и для взимания разных государственных платежей на все монастырские земли, какого бы они ни были происхождения. Уже в это время широко развивается порядок, при котором все эти функции от государственных агентов (*iudices publici*) переходят к частным агентам крупного землевладельца (*iudices privati*), получившего иммунитетную грамоту. Во многих грамо-

⁶⁰ Б. Т. Горянов. Новые работы по византиноведению. Известия АН СССР, серия истории и философии, т. II, № 6, 1946, стр. 454.

⁶¹ М. В. Левченко. Материалы..., стр. 84.

⁶² П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 33.

тах и в известных формулах Маркульфа это запрещение доступа должностных лиц распространялось не только на существующие владения, но и на владения, которые будут пожалованы в будущем. Подобные указания чаще всего встречаются в грамотах, выдававшихся церковно-монастырским владениям, но они встречаются и в грамотах светским крупным землевладельцам.

В Византии этого времени мы еще не находим этого важнейшего элемента светского и церковно-монастырского иммунитета. К. Н. Успенский, полемизируя в своей работе с учеными, считавшими, что экскуссия появляется лишь в XI в., мог привести лишь четыре хрисовула, относящихся к концу IX и X вв., в которых можно усмотреть наличие известной, правда очень ограниченной, неясно выраженной экзимирированности монастырских владений. Хрисовул 934 (919) г. Романа I Лекапина и Константина VII обители Иоанна Колову подтверждал пожалования, сделанные ранее. Вместе с тем в этом документе содержится указание, что обитель должна быть свободной „от всякого принуждения, ангарии и ущерба, бывающего, как водится, от епископов, начальников и от всякого другого лица“ (*ἀπὸ πάσης ἐπηρείας, ἀγγαρίας καὶ ζημίας, τῆς ὡς εἰκὸς ἐγγυγνομένης παρὰ τε ἐπισκόπων καὶ ἀρχόντων καὶ ἄλλου παντός...*)⁶³. Эта формулировка хрисовула позволяет лишь сделать заключение о часто повторявшихся злоупотреблениях, которые испытывали монастыри со стороны должностных лиц. Той точности и дифференцированности иммунитетных прав, которые мы встречаем в значительно более ранних западноевропейских дипломах, здесь нет и следа. Не бóльшая точность встречается и в хрисовулах 924 г., а также и в сигиллионе Льва Философа 887 г. Здесь мы также находим формулировку, аналогичную с приведенной выше, по которой монахам предоставлялось право оставаться свободными „от всякой тягости и повинности, какая бывает обыкновенно“ (*ἀπὸ πάσης ἐπηρείας καὶ τῆς ὡς εἰκὸς ἐγγυγνομένης παρενοχλήσεως*). Поэтому мы не видим никаких оснований считать, как это делал К. Н. Успенский, что уже в этих документах явственно выделяются те две характерные формулы экскуссии, которые входят в дипломы XI в.⁶⁴

Выдвигая теорию заимствования византийской экскуссии с Запада, Н. С. Суворов в числе важнейших аргументов в ее пользу приводил якобы установленное им тождество между западным *defensio* и византийской *δεφένδευσις*. Разбирая аргументацию Н. С. Суворова, П. А. Яковенко убедительно показал, что термины *δεφένδεω* и *δεφένδευσις*, встречающиеся в византийских хрисовулах, вовсе не имели юридического значения, которое вкладывалось в западноевропейских грамотах в понятие *mundeburdium*. Анализируя значение термина *δεφένδευσις*, встречающегося главным образом в поздних византийских актах (XIII, XIV и даже XV вв.), когда византийская экскуссия уже давно приняла определенные, строго очерченные формы, П. А. Яковенко приходит к правильному, на наш взгляд, выводу о том, что этот термин употребляется в смысле фактического оказания защиты, а вовсе не в смысле особой, специальной защиты, которую принимала на себя королевская власть по отношению к владельцам иммунитетных грамот и которая на Западе обозначалась терминами *mundeburdium*, *tuitio* и *defensio*. П. А. Яковенко приводит очень яркий пример в доказательство того, что византийская *δεφένδευσις* отнюдь не являлась неотъемлемой составной частью византийских актов.

⁶³ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. Византийский Временник, т. XXIII, 1917—1922, стр. 96—97.

⁶⁴ Там же, стр. 97.

В 1427 г. деспот Феодор Палеолог выдал Георгию Гемисту аргировул, по которому жаловал ему в пронию земельные владения и укрепления Фанара. В этом документе говорилось, что Гемист будет пользоваться защитой в силу этого аргировула (ἀπολαύη... δεφένδευσεως τῇ ἰσχύει καὶ δυνάμει τοῦ πρὸντος ἀργυροβούλλου)⁶⁵. Через год аргировул был подтвержден императором Иоанном VIII Палеологом. В хрисовуле Иоанна VIII пересказывается содержание подтверждаемого аргировула Феодора Палеолога. Однако ни в изложении содержания аргировула, ни в той части хрисовула, где подтверждаются привилегии, пожалованные Феодором Палеологом, термин *δεφένδευσις* не встречается. Наконец, П. А. Яковенко приводит ряд выдержек из трудов византийских писателей, которые также подтверждают, что термин *δεφένδευσις* вовсе не имел того значения, которое хотел ему придать Н. С. Суворов⁶⁶. Кроме того, ошибочность точки зрения Н. С. Суворова видна также из того, что термин *δεφένδευσις* он обнаружил только в византийских актах XIII—XIV вв. В грамотах XI в., в которых уже встречается *экскуссия*, нет термина *δεφένδευσις*. Между тем, если бы западноевропейский иммунитет был перенесен в Византию с Запада, он не мог бы перейти туда без одного из своих основных элементов — *mundeburdium*, который жаловался вместе с иммунитетом на Западе во всяком случае уже начиная с VIII в.

Таким образом, мы видим, что к тому времени, когда на Западе иммунитет приобрел уже вполне сложившиеся формы, в Византии мы не встречаем памятников, позволяющих говорить о существовании этого института. Замедленный процесс феодализации Византийской империи не мог не сказаться и на значительно более позднем появлении византийского иммунитета. К тому времени, когда в Византии уже появляются акты, заключающие в себе пожалование *экскуссии*, их содержание и составные части значительно отличаются от элементов западноевропейского иммунитета. Таким образом, подобно тому, как мы не считаем возможным вести начало византийской *экскуссии* от позднеримского иммунитета, точно так же как явно несостоятельная должна быть отброшена и теория о западном влиянии на развитие византийской *экскуссии*. Корни византийской *экскуссии* нужно искать не в римском иммунитете и не в иммунитете Западной Европы раннего средневековья, а в условиях развития общественно-экономического строя Византийской империи, в условиях развития византийского феодализма.

Другим важнейшим вопросом, имеющим большое значение для выяснения роли *экскуссии* в процессе формирования византийского феодализма, а также форм ее развития в поздней Византии, является вопрос о времени возникновения *экскуссии*. Термин *ἐξουσία*, как мы уже отмечали, впервые появляется в византийских актах и грамотах лишь в XI в. На этом основании большинство исследователей относило начало *экскуссии* к XI в. Крайне противоположную точку зрения высказывал К. Н. Успенский, который, считая, что *экскуссию*, в том виде, как она зафиксирована в хрисовулах, нельзя отрывать от старинной „самоправности“ монастырей⁶⁷, относил начало *экскуссии* к VI—VII вв., „а может быть, и еще дальше“⁶⁸. Исходя из своей теории о том, что обладателями *экскуссии* в Византии были почти исключительно монастыри, теории, ошибочность которой мы уже отмечали, К. Н. Успенский указывал, что „выяснить

⁶⁵ F. Miklosich—J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, III, № XXXVII.

⁶⁶ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 33—37.

⁶⁷ К. Н. Успенский. *Экскуссия-иммунитет в Византийской империи*, стр. 117.

⁶⁸ Там же, стр. 99.

происхождение экскуссии — значит проследить историю монастырей в Восточной империи⁶⁹. Так как вся аргументация К. Н. Успенского построена на данных, касающихся церковно-монастырского землевладения, то следует рассмотреть основные черты его правового положения в ранней Византии, чтобы установить, можно ли в привилегиях, предоставленных в этот период церквам и монастырям, усматривать корни экскуссии.

Как и на Западе, уже в ранней Византии церкви и монастыри достигли большого экономического могущества, позволявшего им успешно соперничать с развивавшимся крупным светским землевладением. Во времена поздней Римской империи источником благосостояния церквей было имущество языческих храмов, которое передавалось им по указам императоров. Другим источником увеличения экономической мощи церквей являлись частные пожертвования в их пользу, особенно по завещаниям. Мы говорили уже об особенностях социально-экономического развития Византийской империи, состоявшей в том, что господствующие классы, наряду с борьбой за расширение своих экономических и политических прав, вместе с тем были заинтересованы в сохранении сильного централизованного государства. В лице христианской церкви господствующие классы поздней Римской империи и ранней Византии видели орудие сохранения этого государственного единства. Императорская власть охотно возлагала на церковь, структура которой была приспособлена к формам государственной организации, целый ряд государственных и муниципальных функций. Эти услуги церкви, поддерживавшей централизованное государство Восточной Римской империи, широко вознаграждались императорской властью. Церковь получала от правительства широкие субсидии деньгами и натурой, права и привилегии. Такая практика вела свое начало еще со времен Константина I (324—337), издавшего ряд постановлений в интересах христианской церкви. Эти постановления содержали освобождение клириков от муниципальных обязанностей, от общегосударственной подсудности, от уплаты государственной подати (*census*), от несения некоторых „грязных“ повинностей (*munera sordida*), а также ямской (*angaria*) и постоянной (*metati onus*). Эти привилегии были впоследствии зафиксированы в кодексе Юстиниана, где подтверждено освобождение церковных земель от *munera sordida* и *extraordinaria*. Сделано было категорическое указание на то, что церковь не платит с принадлежащего ей имущества ничего, кроме поземельной подати. Для укрепления церковных имуществ еще при Льве I (457—474) были изданы законы о неотчуждаемости церковных имений. Эти законы были впоследствии подтверждены в постановлении Анастасия (491—518), запрещавшем продажу, дарение церковных домов, земель, колонов и рабов. Сведения об этих особых заботах императорской власти мы находим в кодексе Юстиниана, они встречаются и в позднейшем законодательстве (*Basilica*, *Synopsis major* и *Synopsis minor*). Однако постоянное включение постановлений об этих привилегиях во вновь появляющиеся законодательные сборники вовсе не свидетельствует о том, что они продолжали сохранять свою силу. Они не были отменены, но с течением времени императорская власть все более стремилась внести в них ограничения. Областная администрация, чутко реагируя на изменение курса императорской политики, редко считалась с этими постановлениями, нарушала привилегии церкви и духовенства, которые, таким образом, постепенно утрачивали силу закона. Интересные сведения о нарушениях привилегий духовенства мы встречаем в письме патриарха Николая Мистика (901—

⁶⁹ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи, стр. 100.

907, вторично 912—925) патрикию Филофею, в котором он жалуется на то, что клирики Никейской митрополии, в нарушение старых законов, призываются на военную службу⁷⁰. Нередко нарушались и старые привилегии церкви, освобождавшие от взноса денежных платежей с церковного имущества. Сведения об этом мы встречаем, например, в письмах Феофилакта Болгарского Торноскопулу, паниперсевасту Вриеннию, севасту Иоанну⁷¹.

К. Н. Успенский в своем исследовании об экскуссии-иммунитете утверждал, что в ранневизантийское время правовое положение церквей и монастырей было совершенно различное. Рассматривая законодательный материал, он указывал, что императорское правительство, начиная с IV в., не проявляло склонности ни расширять иммунитет церкви, ни неослабно стоять на страже его фактического соблюдения, а, наоборот, все время пыталось сузить состав изъятий, которыми пользовалась церковь⁷². Правомерен ли здесь термин „иммунитет“ по отношению к тем привилегиям, которые церковь получала в период поздней Римской империи и ранневизантийское время? И можно ли сравнивать этот „колеблющийся и засыхающий иммунитет церкви“ с „яркой, полной мощи экскуссией“ монастырей, как это делает К. Н. Успенский? В ранневизантийское время церковь не имела в Византии четко очерченного круга привилегий, как это было на Западе. Но и монастыри в это время находились в таком же положении. Сужались льготы не только церквям, но и монастырям. Еще задолго до иконоборческого движения византийские императоры пытаются приостановить рост монастырей. Маврикий ограничил в 593 г. право пострижения в монахи лиц, состоявших на государственной, особенно военной службе, чтобы поставить преграду уклонению от гражданских и военных обязанностей. Эта мера вызвала, правда, резкое сопротивление духовенства и даже вмешательство папы Григория I (590—604), и Маврикий пришлось отказаться от своего постановления.

Византийское правительство, предоставив привилегии церквям и монастырям, пытается затем принять все меры для ограничения этих привилегий. Круг этих привилегий не только не расширялся, но, наоборот, сужался. И мы не видим никаких оснований считать эти привилегии монастырям за начало будущей экскуссии. „Иммунитет церкви, — пишет К. Н. Успенский, — и экскуссия монастырей жили и развивались рядом“⁷³. Но „иммунитет“ церкви испытывал тот же нажим императорской власти, что и монастыри, а утверждение К. Н. Успенского о наличии экскуссии в V—VI вв. не может быть принято. Экскуссия — явление гораздо более позднее и на условиях ее возникновения нам придется остановиться в дальнейшем изложении.

Новейшие исследователи-византилисты не занимались глубоким изучением византийского иммунитета. В этом отношении показательна работа Л. Брейе, специально посвященная учреждениям Византийской империи⁷⁴, где иммунитету не уделяется почти никакого внимания. В работе Г. А. Острогорского вопрос о византийском иммунитете также затрагивается лишь вскользь⁷⁵.

⁷⁰ PG, t. 111, epist. 110, col. 375—376: ... *πρὸς στρατῆκιν κοσμικὴν καταλέγονται*.

⁷¹ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории византийского государства. ЖМНП, ч. 202, 1879, апрель, стр. 421—426.

⁷² К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи, стр. 115.

⁷³ Там же, стр. 116.

⁷⁴ L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949.

⁷⁵ Б. Т. Горянов. Рецензия на статью Г. Острогорского „Византийские писцовые книги“ (Byzantinoslavica, IX, 2. Прага, 1948, стр. 203—206). Византийский Временник, т. III, 1950, стр. 276.

На вопросе о византийском иммунитете в последнее время останавливался советский исследователь А. П. Каждан⁷⁶. Однако, правильно отмечая, что содержание иммунитета составляли судебные и административные права феодала по отношению к зависимому населению⁷⁷, автор совершенно не вскрыл, в чем заключались эти права. Основной ошибкой автора является то, что он рассматривает иммунитет изолированно, вне связи с исследованием пронии, — основной формы византийского феодального держания. Нельзя согласиться с утверждением автора о том, что передача феодалам поземельной подати и других налогов не создает налогового иммунитета⁷⁸. Как мы попытаемся показать, эта передача права взимания налогов феодалам является одним из основных следствий развития иммунитета в Византии.

Подводя некоторые итоги исследованиям в области изучения византийской экскуссии, мы можем отметить, как основной недостаток, что ее изучение происходило в отрыве от изучения других социально-экономических институтов византийского феодализма, главным образом пронии. По нашему мнению, характер экскуссии, ее возникновение и формы ее развития могут быть поняты лишь на фоне изучения всего хода развития византийского феодализма. Византийский иммунитет возник и развивался параллельно с возникновением и развитием византийской пронии. Поэтому и его изучение должно вестись параллельно с изучением византийской пронии. Следует отметить, что и на Западе развитой иммунитет был тесно связан с феодалом или леном, как в Византии с пронией.

Византийская прония возникла в результате борьбы крупного феодального землевладения, с одной стороны, против мелкого крестьянского землевладения, с другой стороны — против византийского централизованного государства. В XI—XII вв. крупное феодальное землевладение окончательно одерживает победу над централизованным государством. Этой победе предшествовала длительная и упорная борьба против крупного феодального землевладения со стороны императорской власти, хорошо отдававшей себе отчет в том, какую для нее опасность представляло усиление класса династов.

Широко известны законодательные меры, которые принимали византийские императоры, начиная с Романа I Лекапина, против роста крупного феодального землевладения. Новелла от 922 г. этого императора восстановила старое преимущественное право соседей и лиц других категорий (*protimēsis*) при продаже крестьянской земли. Преимущественным правом покупки крестьянской земли по этой новелле пользовались родственники — бывшие совладельцы, другие совладельцы, собственники участков, смежных с продаваемой землей, собственники примыкающих участков, которые вместе с продавцом отвечали за налоги, и другие собственники примыкающих участков. Вслед за этой новеллой на протяжении всего X в. издавались законодательные акты, подтверждавшие новеллу 922 г. Мы знаем о таких повторных новеллах Романа I. Константин VII в 947 г. еще раз запретил покупку крестьянской земли и сделал категорические указания о беспрепятственном восстановлении незаконно приобретенной собственности.

Самый факт непрестанного повторения такого рода законодательных мер свидетельствует о том, что они давали мало эффекта. Буржуазная

⁷⁶ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., М., 1952, стр. 95—100.

⁷⁷ Там же, стр. 96.

⁷⁸ Там же, стр. 97.

историография изображала это законодательство императоров Македонской династии как „меры в защиту крестьянского землевладения“. Такое представление об этом законодательстве мы встречаем в новейших работах буржуазных византинистов, например у Ш. Диля, который расценивает эти законы как „заботы“ о мелком крестьянском землевладении⁷⁹. Между тем советские византилисты показали, что аграрное законодательство X в. вызывалось крестьянскими движениями этого периода. „Заботы“ императоров Македонской династии проявлялись только тогда, когда они стремились к расширению своей социальной базы в борьбе с представлявшим для них большую опасность крупным феодальным землевладением.

Победа крупного феодального землевладения стала особенно очевидной, когда к власти пришел император Никифор Фока (963—969), представитель одной из знатнейших и экономически наиболее сильных магнатских фамилий Малой Азии. Представляя интересы земельной аристократии, Никифор Фока в новелле 967 г. отменил преимущественное право „убогих“ и стратиотов на приобретение земельных имуществ динатов.

Попытки сопротивления императорской власти росту крупного феодального землевладения мы встречаем и в более позднее время. Так, в 996 г. Василий II уничтожил сорокалетнюю давность, ограждавшую покупателей стратиотских и крестьянских участков, а в 1001/1002 г. законом об „аллиленгии“ сделал динатов ответственными за поступление налогов от несостоятельных париков, не имевших возможности выполнить свои платежные обязательства.

После смерти Василия II политика его преемников снова повела к усилению экономических позиций земельных магнатов. Ограничительные мероприятия прежних императоров отменялись. Так, при Романе Аргире (1028—1034) был отменен введенный Василием II закон об „аллиленгии“. Наконец, что является самым главным, в XI в., после смерти Василия II, широко распространяется раздача земель в пронии. Производя сначала раздачу земель в пронии из государственного земельного фонда, византийские императоры под давлением динатов перешли затем к широкой раздаче в пронии крестьянских земель. Этот процесс усиления крупного феодального землевладения сопровождался дальнейшим ростом закрепощения крестьянства.

Институт пронии получает особое распространение в XI в. Поэтому не является случайным тот факт, что византийская экскуссия впервые принимает четко очерченные формы также в XI в. Именно экскуссия способствовала превращению пронии из владения, жалуемого условно, на определенный срок, во владение, жалуемое с правом передачи его по наследству.

Прежде чем приступить к анализу документального материала, характеризующего развитие и характер экскуссии, нужно определить также ее основную роль как орудия внеэкономического принуждения, закабаления византийского крестьянства.

Как мы увидим ниже, экскуссия, ограждая монастыри и светских феодалов от вмешательства государственных чиновников, превращала их владения в замкнутые, почти независимые от центральной и областной властей, административно-хозяйственные округа и имела поэтому глубокое влияние на весь процесс феодализации Византии. Процесс развития экскуссии в Византии, как и иммунитета на Западе, приводил

⁷⁹ Ch. Diehl. Les grands problèmes de l'histoire byzantine. Paris, 1943, p. 96.

к смещению публично-правовых и частно-правовых отношений, превращал иммунитет в орудие внеэкономического принуждения, „концентрированного и организованного общественного насилия“, содействовал переходу класса крупных землевладельцев в привилегированную аристократию.

Внеэкономическое принуждение, закабаление крестьянства этим „организованным общественным насилием“, орудием которого в Византии, как и на Западе, был иммунитет, тесно связано с феодальным способом производства, с феодальной собственностью, главной формой которой в Византии была прония⁸⁰. Политическое господство и подчинение в процессе становления феодального общества развиваются в двух направлениях, причем возвышение политического господства класса крупных землевладельцев неизбежно влечет за собой подчинение зависимых людей на основе внеэкономического принуждения. Одной стороной этого процесса является формирование центральной власти, с другой стороны, политическая власть на базе иммунитета возникает и развивается в недрах усиливающейся феодальной вотчины⁸¹.

Как и на Западе, в Византии светские крупные землевладельцы и монастыри стремились не только добиться полного иммунитета, но и получить публично-правовые полномочия, благодаря которым они могли бы соединить в своих руках вотчинную власть феодала (*dominium*) с отдельными функциями центрального государственного управления⁸².

Государственная власть в Византии вынуждена была, особенно в позднее время, предоставить феодалам значительные судебные права, превратить иммунитетный суд в одно „из правомерно действующих маховых колес государственной машины“. Энгельс говорит об этом: „Король вынужден был возложить на крупных землевладельцев такую же ответственность за явку их свободных поселенцев в суд, в ряды войск и к исполнению прочих традиционных государственных повинностей, какая до сих пор лежала на графе за всех свободных жителей его графства. А это король мог сделать только путем передачи земельным магнатам части служебных полномочий графа по отношению к их поселенцам“^{83—84}. Как видно из указаний Энгельса, иммунитет приводил к присвоению крупными землевладельцами власти над частью государственных подданных⁸⁵, по отношению к которым они могли осуществлять внеэкономическое принуждение. Именно иммунитет превращал феодала в неограниченного распорядителя его зависимыми людьми, создавал условия для безграничного хозяйничанья „разбойничьего дворянства“.

При развитии феодализма в силу конкретно-исторических условий той или иной страны одерживает победу политическая власть вотчинников или центральная власть, создающая феодальную централизацию государства. Византия представляет собой яркий пример первого из этих явлений, при котором страна дробится на вотчины, обладающие полным иммунитетом, а всякая местная власть получает форму вотчинно-сеньориальной, самостоятельно осуществляющей внеэкономическое принуждение⁸⁶.

Нам сейчас необходимо рассмотреть византийскую экскурсию в том виде, как она предстает в документах XI в. Большинство сохранившихся актов об экскурсии относится к монастырскому землевладению. Акты

⁸⁰ А. И. Данилов. К вопросу эволюции фогства как одной из форм права феодальной собственности, стр. 140.

⁸¹ А. И. Неусыхин. Исторический миф третьей империи, стр. 60.

⁸² Там же, стр. 90.

^{83—84} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 402—403.

⁸⁵ Н. С. Михаловская. Каролингский иммунитет, стр. 187.

⁸⁶ А. И. Неусыхин. Исторический миф третьей империи, стр. 64.

об экскуссии светским землевладельцам, естественно, не могли сохраниться в таком количестве, как монастырские акты. Поэтому нам придется оперировать главным образом монастырскими актами, приводя параллели из документов, относящихся к светскому землевладению.

Одним из первых дошедших до нас хрисовулов, по которым жаловалась экскуссия, был хрисовул императора Константина IX Мономаха (1042—1054) от 1045 г. Новому монастырю (*Νέῳ μονῇ*) св. Марии на острове Хиосе⁸⁷. Уже в этом хрисовуле мы встречаем общее для документов такого рода указание о том, чтобы в монастыре ни теперь, ни в будущее время не появлялся никто из судей ради осуществления какого-либо судебного дела, а также никто из других должностных лиц ради осуществления над ним (монастырем) и находящимися в нем своей власти (*μη τινα δικαστην εις την δηλωθεῖσαν μονήν περιέναι δίκης οἰκιστήνους ἔνεκεν, μητε τι σύμβολον ἀρχικῆς δυναστείας κατ' αὐτῆς*)⁸⁸.

Однако эта формула не позволяет сделать вывод о том, что уже в это время в Византии имела место судебная экскуссия. Этот вид экскуссии появляется, как мы увидим, значительно позднее, когда он сочетается уже с оформлением определенного судебного аппарата вотчинной юстиции во владениях крупных феодалов. В хрисовуле Константина IX Мономаха мы встречаем чрезвычайно распространенное *expositio*, в котором дается подробное обоснование освобождения монастыря от вмешательства властей. В нем указывается, что жалующие привилегии распространяются на те случаи, если кто-либо из властей, относящихся к областному или общегражданскому управлению, либо кто-либо из других должностных лиц (*τινὰ τῶν ἄλλων ἀρχόντων*) пожелал бы предпринять судебные действия (*βῆμα δικαστικὸν τοῖς ἐνάγουσιν ἀναπτύσσειν*), либо привлечь в судилище (*καὶ καθέλκειν εἰς δικαστήριον*). Далее в хрисовуле содержится существо пожалования, которое начинается формулой *διὸ [καὶ] παρεγγυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καίρους σακελλαρίων*. Вслед за этой формулой следует длинный перечень должностных лиц, которым предписывается не нарушать льготы, предоставляемые хрисовулом: *γενικῶν καὶ στρατιωτικῶν λογοθετῶν* (логофета общих дел и военного логофета), *τῶν ἐπὶ τῆς ἡμετέρας σακέλλης καὶ τοῦ βεστιαρίου, οἰκονόμων τῶν εὐαγῶν οἰκῶν* (чиновников секрета, относившегося к императорским монастырям и богоугодным заведениям), *τῶν ἐπὶ τῶν οἰκεικῶν* (чиновников императорских частных имуществ), *καὶ τῶν ἐφόρων τῶν βασιλικῶν κουρаторίων, εἰδικῶν, γηροτρόφων* (также относившихся к благотворительным учреждениям), *τῶν ἐπὶ τοῦ θείου ταμείου τοῦ Φύλακος*⁸⁹, *κουρаторίων τοῦ οἴκου καὶ λοιπῶν ταγματικῶν καὶ θεματικῶν ἀρχόντων, πρὸς τοῦτοις δρουγγαρίων τῆς βίγλης* (перечисление военных начальников), *κριτῶν πολιτικῶν καὶ θεματικῶν, ἐπισπτῶν* (надсмотрщиков), *στρατευτῶν βασιλικῶν (ἀνδρώπων) εἰς τινὰς τοῦ δημοσίου δουλείας ἀποστελλομένων* (царских чиновников, посылаемых для исполнения поручений по сбору налогов), *πρωτονοταρίων, νοταρίων, συνωναρίων* (сборщиков *συνώνη*), *τοποτηρητῶν, παρχφυλάκων καὶ πᾶντὸς ἑτέρου δουλείαν τοῦ κοινοῦ μεταχειριζομένου*⁹⁰. На первый взгляд может показаться

⁸⁷ MM, V, p. 2—5. Cp. A. Vasiliev. On the question of Byzantine feudalism. Byzantion, VIII, 1933, p. 594; F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. Bulletin of the International Committee of Historical Sciences, V, 1933, p. 8.

⁸⁸ MM, V, p. 3.

⁸⁹ В других хрисовулах (1074 г., MM, V, p. 138 и 1079 г., *ibid.*, p. 144) встречается чтение *ταμείον του φύλακου*, очевидно более правильное. Это учреждение, в отличие от сакеллы, осуществлявшей общий надзор за всеми финансовыми секретами, было государственным казначейством. См. Н. С ка ба л а н о в и ч. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 177, прим. 4.

⁹⁰ MM, V, p. 4.

странным, что в одном из самых ранних хрисовулов, в котором мы встречаем указание о льготах, предоставляемых монастырю, содержится такое подробное перечисление чиновников, коим запрещается доступ в его владения. Однако прежде всего необходимо отметить, что прямого запрещения доступа во владения монастыря мы в этом документе еще не встречаем. Мы видим в нем лишь перечисление должностных лиц, которым запрещается нарушать льготы, предоставляемые хрисовулами. Только благодаря анализу этого перечня мы можем установить, что он состоял в основном из лиц, ведавших сборами налогов или натуральными повинностями. Только косвенным путем, посредством восстановления функций перечисленных в хрисовуле чиновников, можно составить себе представление о характере предоставляемых льгот. Только этим можно объяснить такой подробный перечень должностных лиц в ранних хрисовулах. Становится понятным, почему в этом самом раннем хрисовуле нет обычной для более поздних хрисовулов экскуссии: ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτων... Следует отметить, что в другом, относящемся к 1079 г., хрисовуле тому же монастырю императора Никифора III Вотаниата (1078—1081) мы встречаем еще более широкий перечень должностных лиц. Здесь назван ряд должностей, которых нет в первом рассмотренном нами хрисовуле (καστροφυλάκων, καστροκτιστῶν, βεστιάριτῶν, μανδχατοῶν πρέσβεις ἀγόντων ἢ ἐξορίστους ἢ ἐθνικούς ἢ κατὰ τινα ἄλλην χρεῖαν διερχομένων, ἀναγραφέων, ὠρεαρίων κτλ)⁹¹.

Из документов XI в. три хрисовула, пожалованных императором Никифором III Вотаниатом, относятся к 1081 г. Первый из этих хрисовулов был дан тому же Новому монастырю (Νέη Μονή) на острове Хиосе⁹². В нем так же как и в хрисовуле 1045 г. опущена первая часть формулы экскуссии ἐξκουσσευθήσεται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτων. Хрисовул этот интересен тем, что в нем встречается выражение „жалуется полная экскуссия“ (ἐξκούσσεια πλείων κεχάριστα)⁹³, причем тут же объясняется, что эта полнота льгот распространяется на всякую „тяжесть“ и всякое угнетение. В хрисовуле содержится упоминание, что он дается в подтверждение льгот, пожалованных прежними императорами Константином IX Мономахом (1042—1054), Исааком I Комнином (1057—1059), Романом IV Диогеном (1067—1071) и Михаилом VII Дукой Параспинаком. Из всех документов, на которые ссылается Никифор III Вотаниат в хрисовуле 1079 г., до нашего времени дошел только хрисовул 1045 г. Это позволяет сделать одно важное замечание. В византийских документах в тех случаях, когда делаются ссылки на предшествующее законодательство, перечисляются обычно акты, относящиеся к весьма далекому прошлому. Тот факт, что самый ранний из упоминаемых в хрисовуле 1079 г. актов относится к 1045 г., позволяет сделать предположение, что до этого времени действительно не было актов, содержащих пожалование экскуссионных льгот, иначе они должны были сохраниться в памяти византийской императорской канцелярии.

Хрисовул 1079 г. — один из первых документов, в котором упоминается, что жалуемые льготы предоставляются на вечные времена. Это — дальнейшая вариация формулы ἀπὸ τοῦ καὶ εἰς τοὺς ἐξῆς ἀπαντας καὶ διηνεχεῖς χρόνους, которую мы уже встречали в хрисовуле Константина IX Мономаха 1045 г.

К 1079 г. относится другой хрисовул Никифора III Вотаниата, пожалованный монастырю св. Иоанна Продрома в Стробеле. По этому

⁹¹ MM, V, p. 9.

⁹² Ibid., p. 8—10.

⁹³ Ibid., p. 8.

хрисовулу монастырь переводился на положение аутодеспотического, не подчиненного ни императорской, ни патриаршей либо епископской власти. В этом хрисовуле мы встречаем формулу ἐξκουσσευθήσεται δὲ αὕτη τε ἡ μονὴ καὶ τὰ ὑπ' αὐτὴν ἀπὸ τε μιτάτων. Непосредственно за этой формулой следует длинный перечень налогов, от которых освобождается монастырь. Ввиду того, что данный перечень является характерным для ранних хрисовулов, содержащих пожалование экскуссии, мы считаем необходимым привести этот перечень полностью: ἐπιθέσεως μονοπροσώπων, ἀγορᾶς μουλαρίων, μεσομουλαρίων, βορδωνίων, μεσοβορδωνίων, ἱππων, παριππίων, ὄνοκηλονίων, ὄνοθηλείων, φορβάδων, βοῶν ἐργατικῶν καὶ ἀγελαίων, χοίρων, προβάτων, κίγ'ων, ἀγελαδίων, βουβαλίων καὶ λοιπῶν τετραπόδων, καστροκτισίας, καπνικοῦ, οἰκουδοῦ, ἐξοπλίσεως πλοίων ἢ τοξοτῶν, παροχῆς χρειῶν τῶν χορηγουμένων δικασταῖς ἢ πράκτορσιν, ἐξωνήσεως σίτου, οἴνου, κριθῶν, βρώμου, ἐλαίου, ὀσπρίου καὶ παντοίων σπερμάτων, κοπῆς καὶ καταβιβασμοῦ οἰασθήτινος ξυλῆς ἢ μετακομιδῆς ἐτέρου εἶδους, πρίσεως σανίτων, κτίσεως χελανδίων, ἀγγαρίων, ζερμάνων καὶ ἐτέρων πλοίων, ἐκβολῆς κονταράτων ἢ ἐτέρων στρατιωτῶν, καθίσματος τῶν ἐν ὑπεροχῇ ἀρχόντων, κριτῶν, στρατηγῶν, ἀναγραφέων, ἐπόπτων καὶ λοιπῶν ἀπαιτητῶν, παροχῆς κανισκίου ἢ ἀντικανισκίου, ἐκβολῆς χρειῶν καὶ χορτασμάτων, φοσσάτων διατροφῆς καὶ ἀπλήκτων ἐπὶ πόλεμον ἀπionτων ἢ ὑποστρεφόντων, μιτάτων ἀθανάτων ἢ τοποτηρητῶν τούτων καὶ ἐθνικῶν ἢ ἄλλων τινῶν, πρωτοκεντάρων ἢ προσελευσιμαίων, μανδατόρων πρέσβεις ὄγοντων ἢ ἐξορίστους ἢ κατὰ τινα ἄλλην χρειὴν διερχομένων, παροχῆς γεννημάτων ἐξ ἀγορᾶς γεγεννημένου, ἀγγαρείας, παρχαγγαρείας καὶ λοιπῆς ἐπιτηρείας⁹⁴.

Таким образом, в этом длинном списке хрисовул освобождал монастырь от поставки домашних животных, причем, не довольствуясь их перечислением, добавляя καὶ λοιπῶν τετραπόδων, от градостроительства, строительства судов всех видов (καὶ ἐτέρων πλοίων), кормления судей и практиков, рубки дров, поставки зерновых культур и ряда налогов. Мы увидим далее, что, чем к более позднему времени относятся хрисовулы, тем шире представлен в них список налогов, от которых освобождается жалуемый монастырь или светское лицо. В этом хрисовуле мы снова встречаем формулу διὸ παρ' ἐγγυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλορίων, вслед за которой идет аналогичный уже рассмотренным нами перечням список должностных лиц, на которых распространяется действие данного хрисовула.

К тому же 1079 г. относится и еще один хрисовул Никифора Вогтаниата. Некий монах Арсений Скенурий построил две келии на горе Дикее на острове Кос, в которых поселились монахи. В хрисовуле содержится ссылка на просьбу Арсения Скенурия о пожаловании экскуссии основанной им обители⁹⁵. На основании этой просьбы император жалует новой обители освобождение от налогов и повинностей. В хрисовуле мы встречаем список этих повинностей, несколько расширенный по сравнению с уже рассмотренными нами перечнями, хотя встречающиеся в этом списке изменения вносят мало нового в обычную форму. Тем не менее следует отметить, что эти наиболее ранние хрисовулы не имеют определенной, установившейся для этого периода формы, как это считал К. Н. Успенский.

Ко второй половине XI в. относится также несколько других хрисовулов, в частности хрисовул Алексея I Комнина (1081—1118) от 1087 г.⁹⁶ По этому хрисовулу монаху Христову жаловался небольшой

⁹⁴ MM, VI, p. 20—21.

⁹⁵ Ibid., p. 22.

⁹⁶ Ibid., p. 25—28.

остров (νησίδιον) Липсос и половина местности Пектемея на острове Лерос в пользу монастыря Пантенопта. Мы встречаем в этом хрисовуле термины экскуссионных грамот, которые впоследствии широко войдут в обиход языка императорской канцелярии. В нем говорится, что жалюемые владения должны быть безопасны и нетревожимы. В этом хрисовуле содержится в несколько измененном виде формула пожалования экскуссии, растростраемая на все жалюемые владения: . . . ἐξκουσσευθήσονται ἀπαξᾶπαντες διὰ τῆς παρούσης χρυσοβούλλου γραφῆς ἀπο τῶν μιτάτων, вслед за которой снова повторяется широкий перечень привилегий, жалюемых монастырю, сопровождаемый уже знакомым нам перечнем должностных лиц.

К 1088 г. относятся два хрисовула Алексея I Комнина, свидетельствующие об особом покровительстве императора Христудулу, которому жаловались большие владения и предоставлялись широкие привилегии. По первому из этих хрисовулов Христудулу жаловался остров Патмос и владениям основанного там монастыря давались права экскуссии. В этом хрисовуле подробно перечисляется, от постоя каких властей и войск освобождается данный монастырь: ἐξκουσσευθήσεται μέντοι ἡ τε ῥηθεῖσα ἀπασα νῆσος καὶ αὐτὴ ἡ μονὴ μετὰ τῶν ὑπ' αὐτὴν πάντων ἀπὸ τῶν ἀρχόντων ταχυατικῶν καὶ θεματικῶν, ρωμαϊκῶν τε καὶ παρταχῶν καὶ ἐθνικῶν ἔτι τε Ῥώσων, Βαράγγων, Κουλιπίγγων, Ἰγγλίνων, Ἀλανῶν, Ἀβασγῶν, Ἀθανάτων καὶ λοιπῶν Ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν (освобождается . . . от постоя властей, служащих в тагмах и фемах, ромейских, вспомогательных и наемных войсках, и еще росссов, варягов, колпингов, англо, франков, немцев, болгар, сарацин, алан, абхазцев и всех остальных, ромейских и наемных). В этом хрисовуле более подробно перечисляются налоги, от которых освобождался монастырь: προσόδου ἀερικοῦ (подушной подати), καπνικῶν (подымных сборов), ἀερικοπαρταῶν, κομποδομικοῦ (почтового сбора), συνώνης, καστροκτισίαις (постройки укреплений), οδοστροφίαις (починки дорог), γεφυρῶν (мостов), παροικιατικοῦ (паричской подати), ἐννομίου (пастбищного сбора), φραγγομιτάτου, φραγγετικοῦ, σιδηροῦ ἢ χαρσοπετάλων καὶ μαζίου (дачи железа и гвоздей дляковки лошадей), ἐκβολῆς χραιῶν τῶν χορηγουμένων δικασταῖς πράκτορσιν ἢ ἑτέροις ἄρχουσι, δουξί, κατεπάνοις, στρατηγοῖς, ἀπαιτηταῖς καὶ λοιποῖς πρέσβευσιν ἐθνῶν διερχομένοις ἢ καὶ στρατιᾷ τινι (выдачи припасов, доставляемых судьям или праторам или другим властям, дукам, катепанам, стратегам, сборщикам и прочим проходящим послам народов), ἐκβολῆς χορτασμαῶν (выдачи сена). Далее упоминается об освобождении от дачи продовольствия протокентархам, курьерам, сопровождающим послов . . ., царским чиновникам (βασιλικῶν ἀνθρώπων), посылаемым с каким-либо поручением. Остальные льготы — освобождение от поставки растительных продуктов, принудительной продажи зерновых культур, рубки леса, постройки судов, постоя различных чиновников — аналогичны тем, которые мы уже встречали в рассмотренных хрисовулах⁹⁷.

В том же 1088 г. был издан другой хрисовул Алексея I Комнина⁹⁸, который снова подтверждал права, пожалованные монастырю на острове Патмос. Этот „подтвердительный“ хрисовул содержит лишь общие формулы об освобождении от всяких тягот, и указание, чтобы монастырь не подвергался притеснениям от кого бы то ни было в отношении налоговых повинностей (δημοσιακῆς λειτουργίας).

Мы рассмотрели основные византийские экскуссионные грамоты, которые дошли до нашего времени от XI в., когда складывались элементы византийской экскуссии. На основании анализа этих грамот

⁹⁷ MM, p. 47.

⁹⁸ Ibid., p. 53—55.

можно сделать некоторые выводы. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что мы имеем дело почти исключительно с монастырскими актами, что для этого времени мы располагаем лишь единичными актами об экскуссии, пожалованной светским землевладельцам. Между тем, как мы это видели ранее, к этому времени относятся уже акты о пожаловании земельных владений в пронию. Это свидетельствует о том, что светская экскуссия, в значительной степени способствовавшая развитию пронии, хотя и возникает одновременно с ней, но как институт развивается позднее.

Рассмотренные первые хрисовулы о монастырской экскуссии имеют определенную форму. Мы видим в них длинное и многоречивое вступление (*prooemium*), затем не менее распространенное *narratio* и *dispositio*, выраженные цветистым языком, обычным для актов византийской императорской канцелярии этого времени. Характерной особенностью этих ранних хрисовулов является наличие в них, за редкими исключениями, на которые мы уже обращали внимание, формулы пожалования привилегий. Вслед за *dispositio* мы встречаем формулу *ἐξκουσσευθήσεται... ἀπὸ τῶν μισθίων*, после которой идет довольно длинный и подробный перечень повинностей, от которых освобождается монастырь, получающий экскусионную грамоту, непосредственно вслед за этим идет другая часть формулы экскуссии *διὸ παρέρουεθα καὶ πάντας ἐξασφαλίσομεθα*, за которой следует перечень должностных лиц. Как перечень налогов и повинностей, так и перечень должностных лиц не являются в этих хрисовулах стабильными. Хотя и незначительно, но они отличаются друг от друга. Однако общая тенденция ранних хрисовулов заключается в том, чтобы дать возможно более полный перечень должностных лиц. Далее, в ранних хрисовулах XI в. еще не встречается прямого запрещения доступа должностных лиц во владения монастыря, обладавшего иммунитетной грамотой. О запрещении доступа можно заключить только косвенным путем, и не во всех случаях можно быть уверенным, что это воспреещение имелось в виду составителями хрисовулов. Оформление этого запрещения, его превращение в сложившийся институт мы встречаем в более позднее время. Судебная экскуссия — также явление более позднего времени, ее следов в ранних хрисовулах мы не находим. Отсутствие упоминания в хрисовулах XI в. о воспреещении доступа должностных лиц некоторые исследователи объясняли тем, что составители хрисовулов не находили нужным указывать существо экскуссий, считая его известным, и писали, что лицо, получившее экскуссию, должно было пользоваться льготами „вообще сообразно с существом экскуссии“ (*κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσείας καφάλαιον*)⁹⁹. Однако нет оснований объяснять отсутствие упоминания о воспреещении доступа должностных лиц в хрисовулах XI в. ссылкой на общую, широкую формулировку понятия экскуссии, якобы предполагавшуюся известной, так как такая формулировка встречается лишь в более поздних актах XII—XIV вв.¹⁰⁰, в документах же XI в. мы его не видим.

(Продолжение в следующем томе)

⁹⁹ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 14—15.

¹⁰⁰ Мы даем датировку документов, на которые ссылается П. А. Яковенко: ММ, VI, р. 4—5, 21 относится к 1235 г.; ММ, V, р. 276 — к 1364 г.; ММ, VI, р. 105 — к 1145 г.